

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 194–204

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 194–204

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-194-204>

Научная статья

УДК 81'27'42

Варианты речевого жанра предупреждения и их модусные показатели

Т. И. Стексова¹✉, Е. В. Лаврентьева²

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

²Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуся Ковальчук, д. 191

Стеклова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Лаврентьева Елизавета Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и восточные языки», lev300374@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2398-2257>

Аннотация. В статье авторы обращаются к истории изучения превентивных высказываний, где не разграничивается семантика предостережения и предупреждения. Жанроведческий подход позволил авторам квалифицировать предостережение и предупреждение как диффузную зону в системе речевых жанров, причем предупреждение рассматривается как полиинтенциональный речевой жанр и предлагается разграничение двух вариантов жанра на основе выделения ведущей интенции. Императивное предупреждение, синонимичное предостережению, может функционировать в качестве косвенной угрозы, а информативное предупреждение может быть использовано в качестве речевого жанра доноса. Вариативность жанра предупреждения проявляется не только в доминировании одной из интенций, но и в способах речевого воплощения. Рассматриваются модель жанра и возможные синтаксические структуры, в которых воплощается предупреждение. Отмечается, что полная семантическая модель высказывания в жанре предупреждения содержит модусный компонент, который является маркером жанра, и диктумный компонент, который и раскрывает содержание предупреждения. Доминирование одной интенции обуславливает различия в языковом воплощении, которые проявляются в частотной имплицитности выражения второй интенции, а также в выборе модусного показателя жанра. Авторы сосредоточили свое внимание на модусном маркере жанра, так как диктумный компонент, раскрывающий содержание предупреждения, неоднократно становился предметом изучения и довольно подробно описан на материале разных языков, а модусный маркер жанра чаще всего оставался вне поля зрения исследователей. Отмечается более широкий круг модусных показателей у информативного предупреждения, причем выбор конкретного показателя обусловлен дискурсом.

Ключевые слова: русский язык, превентив, речевой жанр, варианты жанра, модусный показатель, предупреждение

Для цитирования: Стеклова Т. И., Лаврентьева Е. В. Варианты речевого жанра предупреждения и их модусные показатели // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 194–204. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-194-204>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Variants of the warning speech genre and their modus indicators

T. I. Steksova¹✉, E. V. Lavrentieva²

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

²Siberian Transport University, 191 D. Koval'chuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Tatiana I. Steksova, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Elizaveta V. Lavrentieva, lev300374@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2398-2257>

Abstract. In the article, the authors refer to the history of the study of preventive statements, where the semantics of the notice and warning are not distinguished. The genre approach allowed the authors to qualify the warning and the notice as a diffuse zone in the system of speech genres, and the warning is considered as a poly-intentional speech genre and it is proposed to distinguish between two variants of the genre based on the identification of the leading intention. An imperative warning, synonymous with a notice, can function as an indirect threat, and an informative warning can be used as a speech genre of denunciation. The variability of the warning genre is manifested not only in the dominance of one of the intentions, but also in the ways of speech embodiment. The genre model and possible syntactic structures in which the warning is embodied are considered. It is noted that the complete semantic model of an utterance in the warning genre contains a modus component, which is a marker of the genre, and a dictum component, which reveals the content of the warning. The dominance of one intention causes differences in the linguistic embodiment, which are manifested in the frequency implicitness of the expression of the second intention, as well as in the choice of the modal indicator of the genre. The authors focused their attention on the modus marker of the genre, since the dictum component, which reveals the content of the warning, has repeatedly become the subject of study and is described in detail in different languages, and the mode marker of the genre most often remained outside the field of view of researchers. A wider range of modus indicators is noted for an informative warning, and the choice of a specific indicator is determined by discourse.

Keywords: Russian language, preventive, speech genre, genre variants, modus indicator, warning

For citation: Steksova T. I., Lavrentieva E. V. Variants of the warning speech genre and their modus indicators. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 194–204 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-194-204>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

К истории изучения превентива

Высказывания, предназначение которых в предотвращении событий, способных, по мнению говорящего, нанести ущерб адресату, получили в лингвистике название «превентив», которое происходит от латинского глагола *praeventio* «упреждать», «опережать», «предупреждать»¹, и составляют периферию средств выражения императива, или, по выражению В. С. Храковского, А. П. Володина, представляют собой одну из частных семантических интерпретаций императивного значения [1: 151–154]. Отметим, что термин «императив» в лингвистике понимается двояко: с одной стороны, это синоним термина «повелительное наклонение» и, с другой – он называет модальное значение каузации к исполнению действия (императивное значение).

Закономерно, что к описанию превентивных конструкций обращались исследователи, чьи научные интересы так или иначе связаны с изучением императива как глагольной категории [1, 2, 3, 4, 5, 6 и др.], так как ядерным способом выражения превентивной семантики является отрицательный императив, формируемый глаголами только совершенного вида (далее – СВ): *Не упади!*, *Не простудись!*, *Не пролей!* и под.

По наблюдениям А. В. Исаченко, форма совершенного вида императива с отрицанием употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет помешать осуществлению «угрожающе-

го» (в будущем) действия, хочет предупредить собеседника. Относительно императива несовершенного вида (далее – НСВ), лишённого посторонних модальных оттенков: *Не простужайся!*, *Не опаздывай к обеду!*, возможно употребление в предупредительном значении в ситуации предвосхищения повторных действий: *Не опаздывай на лекции!*, *При переправах не простужайся!* [4: 493–494]. В качестве средства, способного подчеркнуть превентивную семантику отрицательного императива, используются «императивные частицы» *смотри / смотрите* [3: 11], утрачивающие как свое исходное лексическое значение, так и требуемые синтаксические актаны, и способные выражать «усиленное предостережение» [2: 482].

В. С. Храковский, А. П. Володин, указывая на способность делексикализованного глагола *смотри / смотрите* актуализировать значение предостережения, дополняют репертуар средств выражения превентивной семантики не только формами отрицательного императива в НСВ (*Смотри, не говори лишнего*), но и утвердительными конструкциями (*Смотри, делай уроки*). Также в число показателей превентива включают лексику «не вздумай», способную транслировать семантику предостережения в сочетании с инфинитивом (*Не вздумайте напечатать*). Тем самым исследователи констатируют такое свойство превентивных конструкций, как контекстная обусловленность и предлагают более широкую

¹Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: Русский язык, 1976. С. 806.

трактовку семантики превентива: «волеизъявление говорящего, относительно того, чтобы была проявлена осмотрительность и либо не было совершено неагентивное действие, неподконтрольное воле исполнителя, либо, напротив, было осуществлено агентивное действие, подконтрольное воле исполнителя. Выполнение / невыполнение данного действия, с точки зрения говорящего, может причинить ущерб либо слушающему, либо говорящему, либо какому-то лицу (или живому существу), не участвующему в речевом акте» [1: 151–154]. Позже в число показателей превентивности добавились выделительно-ограничительная частица *только* и / или обстоятельство типа *случайно*, подчеркивающие непреднамеренность действия (сравните: *Не запри дверь. Ты только дверь не запри*), и подчеркивалась способность превентивной семантики в случае маркированности высказывания элементом *смотри / смотрите* выходить за границы императивных конструкций (*Смотри упадешь*) [7: 212–216].

Благодаря своей семантико-прагматической специфике превентивные высказывания не остались без внимания и представителей коммуникативно-прагматического направления [8, 9, 10, 11, 12], в частности теории речевых актов (далее – ТРА). В исследованиях, выполненных в рамках ТРА [13, 14, 15, 16, 17], превентив (речевой акт предостережения / предупреждения, суггестив, авертив) квалифицируется прежде всего как директивный речевой акт, инвариантное значение которого – побуждение к неосуществлению действия. К характерным чертам относят приоритетность говорящего, обусловленную его заботой об интересах слушающего, наличие потенциальной опасности для слушающего, необлигаторность и бенефактивность действия для адресата. Примечательно, что трактовка высказываний с семантикой предупреждения и предостережения как разновидности директивных речевых актов дает основание исследователям указывать на их семантико-прагматическую близость с угрозой [16, 18]. Так, Е. В. Ерофеева на основании сходства семантических признаков, в частности общей иллокутивной цели, которая трактуется как попытка говорящего побудить адресата к совершению / несовершению действия или к изменению состояния, объединяет угрозу и предупреждение и рассматривает их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллокутивным значением «предупреждение нежелательного действия» [14; 18]. Похожий подход находим в работе М. Г. Безяевой: предупреждение квалифицируется как общая целеустановка, разновидностями которой

являются предостережение и угроза, отличающиеся тем, что при угрозе адресант делает предупреждение в своих интересах или интересах третьего лица, при предостережении – во благо адресата [8: 458–460].

В рамках исследования вызывает интерес работа Ю. С. Клениной (Курилкиной), представляющая собой попытку комплексного семантико-прагматического описания средств выражения превентива в виде функционально-семантического микрополя, ядро которого составляют конструкции с семантикой предостережения (*Смотри/те (гляди/те)* + не + императив СВ). К центральной зоне поля автором отнесены конструкции, передающие семантику предостережения с оттенком предупреждения (*Смотри/те (гляди/те)* + индикатив СВ в форме будущего времени / индикатив НСВ в форме настоящего времени). Периферийные средства выражения превентивной семантики представляют конструкции, совмещающие семантику предостережения с запретом, наставлением, советом, требованием, приказом и угрозой, то есть сочетающие разные виды волеизъявления в пределах одного высказывания [19]. Автором не ставилась задача разграничения предостережения и предупреждения, что, на наш взгляд, требует рассмотрения, так как анализ языкового материала дает основание говорить о том, что предупреждение значительно богаче по семантике и выходит за рамки эксплицированных императивных значений.

Предупреждение среди смежных речевых жанров

Авторы данного исследования придерживаются жанрологического подхода к описанию феномена речи, в связи с чем предупреждение и предостережение рассматриваются как речевые жанры (далее – РЖ) – устойчивые типы текста, репрезентирующие определенный тип речевого действия и обусловленные определенной сферой коммуникации, что определяет использование соответствующей терминологии и уже зарекомендовавшей себя методики анализа, в основе которой лежит последовательное описание жанрообразующих признаков, «необходимых и достаточных для опознания, характеристики, конструирования РЖ» [20: 91], в ряду которых ключевым является коммуникативная цель жанра.

Своеобразие РЖ предостережения заключается в том, что это полиинтенциональный жанр, коммуникативную цель которого невозможно однозначно интерпретировать, так как она складывается из нескольких составляющих. Согласно В. Ю. Гусеву, превентив (предостережение) предназначен для того, чтобы предупредить слушающего о том, что может

произойти некоторое нежелательное событие и каузировать его этого события избежать (аналогичный подход см. [10]). Значение превентива складывается из двух компонентов: 1) индикативного (говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное событие Р); 2) «фактом своего высказывания говорящий пытается каузировать слушающего или третье лицо предпринять промежуточное действие Раух, которое бы предотвратило Р (т. е. каузировало бы не-Р)». Иными словами, семантика предостережения включает информативный «может произойти Р» и императивный «сделай так, чтобы Р не произошло» компоненты, при этом одновременная их экспликация необязательна, один из компонентов может находиться в presupпозиции (сравните: *Не упади!* и *Сегодня скользя. Осторожно! Не упади!*) [6: 57–58].

Таким образом, предостережение находится на границе между императивными и информативными жанрами, так как его предназначение заключается в каузации действия адресата путем информирования его о потенциальной опасности, иначе с помощью предупреждения, то есть предупреждение «встраивается» в высказывание с семантикой предостережения. Обоснованием сказанному может служить словарное определение глагольной леммы, номинирующей жанр:

Предостережь. Заранее остережь от чего-л. || Остерегая, предупредить о чем-л.

Остережь. Предупредить о возможной опасности, дать совет избегать чего-л.

Более наглядно это отражается в словарном толковании предостережения как функционально-стилистического варианта, функционирующего в юридическом дискурсе – строгое предупреждение, применяемое к лицам, оправданным по суду, но внушающим опасения, что они совершат преступление в будущем. В свою очередь, предупреждение, согласно словарному определению, – то, что заключает в себе предостережение (указание на что-л., сигнал и т. п.)².

Помимо явного пересечения дефиниций имен жанров совпадает их семантическая структура, в которую входят:

- автор превентивного высказывания, обладающий знанием о ситуации, несущей потенциальную опасность, и о способах выхода из нее,
- адресат – лицо, чьи действия могут привести к нежелательным последствиям,
- основание для продуцирования превентивного высказывания – каузируемые автором высказывания действия адресата, которые могут стать в будущем причиной неже-

лательного события или неблагоприятного положения дел и, согласно широкой трактовке превентива [1: 153], могут иметь как контролируемый, так и неконтролируемый характер.

Характеристика ряда жанрообразующих признаков РЖ предостережения с определенной долей вариативности будет справедлива и относительно РЖ предупреждения. Общим признаком превентивных высказываний является их обращенность в будущее, иными словами, предостережение и предупреждение – это жанры с футуральной перспективой, это попытка говорящего изменить некое положение вещей в будущем, мотивировать адресата пересмотреть свое поведение и, в случае оценки ситуации как представляющей опасность, принять контрмеры для того, чтобы предотвратить событие. Дифференцирующим признаком каузируемого действия в предостережении и предупреждении, как отмечают представители ТРА, является его необлигаторность, и адресат сам принимает решение о его выполнении или невыполнении [14: 37; 21: 128]. Говорящему грозит коммуникативная неудача, если адресат игнорирует превентивное высказывание, и соответственно, не совершает каузируемое действие: *Товарищ Ариас, немедленно вернитесь! Я вас предупреждаю... Тот не вернулся.* (С. Г. Карамурза. «Совок» вспоминает свою жизнь).

Для жанров с превентивной семантикой характерна фиксированная модель взаимоотношений коммуникантов: приоритетную позицию автору превентивного высказывания обеспечивает не только положение инициатора общения, но и, по мнению самого говорящего, его информированность, компетентность или жизненный опыт. Например: *Только будучи человеком в женских делах весьма опытным, предупреждаю вас: вы ей не доверяйтесь.* (А. Д. Скалдин. Странствия и приключения Никодима Старшего); *Не завидуйте и не берите с меня пример; потому что я и хочу предостеречь вас, что знаю на себе все тяжелые и горькие последствия подобной ошибки.* (А. Ф. Писемский. Тысяча душ).

Такие параметры, как старший / равный / подчиненный, свой / чужой не являются определяющими для функционирования жанров с превентивной семантикой (внук может предостеречь бабушку, незнакомец – прохожего, а подчиненный предупредить начальника). Однако чаще всего жанры воплощаются, когда говорящий испытывает доброжелательное отношение к адресату, имеет заинтересованность в благополучном исходе ситуации,

²Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. А. С. Кузнецов. М. : Ридерз Дайджест, 2004. С. 598.

иными словами, степень личной близости говорящего к адресату становится значимым прагматическим фактором реализации РЖ предупреждения и предостережения. Проиллюстрируем: *Не в качестве какого-нибудь нравоучителя, а в качестве друга вашего и вашего семейства я предостерегаю вас, что последнее может лишиться отца, если вы не сделаетесь умереннее в употреблении горячих напитков.* (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»); *Конечно, ваше дело, но как хороший знакомый – предупреждаю-с.* (А. И. Куприн. Яма); *А тебя, мой милый Скороход, я все еще люблю и потому предупреждаю: человек, который слишком боится стражников, незаметно сам становится стражником* (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»).

Для характеристики получателя превентивного высказывания значимым параметром является такая сторона диктума, как включенность события в личную сферу адресата, который оценивается с точки зрения его способности оценить предостережение / предупреждение как целесообразное и в соответствии с этим скоординировать свои действия и поведение, что обеспечивает в случае успешного осуществления жанра перлокутивный эффект.

Совпадение ряда жанрообразующих признаков наталкивает на мысль о родственности, обусловленной сходством семантики, или полной тождественности жанров. Однако ставить знак равенства между предостережением и предупреждением представляется не вполне верным. Более точным будет квалифицировать предостережение и предупреждение как диффузную зону в системе речевых жанров, когда исследователи говорят о семантическом синкретизме представителей превентивной семантики [22], а носители языка в своей повседневной речевой практике «не разводят», не разграничивают жанры, оперируя ими с относительно равной долей частотности в идентичных коммуникативных ситуациях.

Вариативность жанра предупреждения

Известно, что изменение одного из жанрообразующих признаков ведет к смене речевого жанра [23, 24]. Разграничение жанров с превентивной семантикой возможно на основании таких параметров, как коммуникативная цель и способ воплощения. Предупреждение с точки зрения интенционального наполнения значительно шире, а по способу выражения побудительной семантики «изобретательнее» на фоне родственного ему предостережения. Предупреждение, как и предостережение, относится к полиинтенциональным жанрам [25], но для него характерно разное соот-

ношение интенций, и именно на основании доминирования императивного или информативного компонента коммуникативной цели можно выделить два варианта жанра: предупреждение₁, или императивное предупреждение, вступающее в отношения семантико-функциональной синонимии с предостережением, и предупреждение₂, или информативное предупреждение. Рассмотрим их.

Предупреждение₁, как и предостережение, не отражает прототипическую ситуацию побуждения, но тем не менее служит казуации действий адресата путем информирования о неблагоприятном положении дел: *А после поллитра – чистая гидра! Только предупреждаю. Шуры-муры не вздумай – стоп!* (Ф. Искандер. Антип уехал в Казантип). В представленном фрагменте информация о ситуации как неблагоприятной и опасной находит свое отражение в оценочной лексеме «гидра», а императивное значение выражено частотным для превентива способом – императивом в форме СВ с отрицанием «не вздумай» и интенсифицировано междометием «стоп». Однозначной лингвистической интерпретации помогает экспликация в высказывании перформатива «предупреждаю».

Семантическое толкование РЖ предостережения, сформулированное А. Вежбицкой, применимо и к предупреждению:

говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось [26: 104]. Подтвердим примером:

– *Постойте, постойте, – закричал он, останавливая юношу в двери, – я вас, господин, предупреждаю, не прожгите сюртук, вам придется заплатить тогда всю его стоимость, как за новенький-с.* (И. В. Евдокимов. Левитан)

В качестве транслятора побудительной семантики могут выступать не только глагольные лексемы. В этом отношении показательным является привычное всем нам: *«Осторожно! Двери закрываются!»*, где императивное значение актуализируется с помощью безлично-предикативного слова «осторожно», в смысловом отношении коррелирующего с императивом «будь осторожен».

В случае предупреждения₁ для говорящего актуальна семантика предписания, и поэтому информативный компонент может составлять импликацию высказывания, необходимость в экспликации которого пропадает в силу совпадения фоновых знаний коммуникантов, которое осознается инициатором общения: – *Я тебя вот о чем хочу предупредить, – ска-*

зал он. **Не вздумай** с ним вести разговоры на политические темы. (В. Гроссман. Жизнь и судьба). В данном фрагменте в ассерции находится только императивное высказывание, а в пресуппозиции – представление о том, что разговор на политические темы несет в себе потенциальную опасность.

Предупреждение относится к группе речевых жанров, коммуникативная цель которых может быть выражена максимально информативным для адресата способом – с помощью перформатива. Актуализация императивного компонента в предупреждении₁ обуславливает то, что перформатив «предупреждаю» становится «излюбленным» способом говорящих, когда им необходимо скрыть свои истинные намерения, которые осознаются ими как ненормативные. В данном случае речь идет об угрозе, для которой важна экспликация негативных последствий для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие [27], и высказывания с перформативом «предупреждаю» – частотный способ косвенной реализации жанра: **Предупреждаю вас, что и с вами случится что-нибудь в этом роде, если только не хуже, ежели вы не сдадите валюту!** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Если же коммуникативная цель говорящего «благородная», то перформатив в предупреждении₁ чаще всего не вербализуется (**Не упади!**) или заменяется императивной частицей (**Смотри, не опаздывай!**).

Предупреждение₂, или информативное предупреждение, предназначение которого заключается в сообщении о некоем значимом для адресата, по мнению говорящего, положении дел в будущем: **Предупреждаю, гонорары у нас более чем скромные.** (С. Довлатов. Ремесло). Подтверждение находим в словарном определении глагола «предупредить», значение которого включает сему «заранее известить, уведомить о чем-л.»³. «Модальность вероятности возникновения в будущем некоторого случайного последствия действия», которая, по мнению Л. А. Бирюлина, имеет весьма существенный характер для успешного функционирования превентива [5: 37], в предупреждении₂ минимизируется, что объясняется тем, что информативная составляющая интенции берет на себя роль доминанты, в свою очередь, императивный компонент иллюкутивного назначения предупреждения₂ не эксплицирован, и в силу своей замаскированности требует дополнительных интерпретативных усилий

со стороны адресата. Задачу адресата облегчают модусные показатели, к которым в первую очередь относится перформатив. Приведем пример: **Но предупреждаю, господа, особенно иногородних: на улице очень скользко!** (С. Носов. Фигурные скобки). Императивность высказывания нивелирована, эксплицируется только информативный компонент семантики (**на улице очень скользко!**), однако использование говорящим перформатива «предупреждаю» дает основание интерпретировать высказывание как прямой способ воплощения РЖ предупреждения. Аналогично в следующем примере: – **Хотите папиросу? Только табак неважный, предупреждаю.** Студент деловито затянулся папиросой, выпустил длинную струйку дыма. (Н. Ф. Олигер. Смертники). В результате лингвистической интерпретации высказывание «**только табак неважный**» можно квалифицировать как сообщение. Именно перформатив «предупреждаю» сигнализирует о скрытом императивном смысле и помогает истолковать высказывание как предупредительное.

В случае предупреждения₂ в концепции автора высказывания на первый план выдвигается такой параметр, как его осведомленность о некоем положении дел. Условно говорящего можно назвать «информатором». Обладая информацией говорящему важно донести ее до адресата, что, по его мнению, поможет получателю сообщения скоординировать свои действия в будущем: – **Я тебя предупреждаю... То есть хочу, чтобы ты знал.** (Д. Гранин. Иду на грозу).

Доминирование информативной интенции в предупреждении₂ становится причиной того, что они используются говорящими с целью не допустить так называемое «иллокутивное самоубийство» (по З. Вендлеру), когда их речевые действия оцениваются как предосудительные и нарушающие конвенции общения. Речь идет о доносе, для которого так же, как и для угрозы, предупреждение – удобный способ замаскировать настоящую цель: **Оказалось, что, научившись грамоте, благодарный железнодорожник первым делом написал на него донос: «Предупреждаю, что NN имеет связи за границей»** (К. И. Чуковский. Дневник).

Модусные маркеры жанра предупреждения

Варианты жанра различаются не только доминированием одной из интенций, но и способами вербального воплощения. Полная семантическая модель высказывания в жанре предупреждения содержит модусный компо-

³Современный толковый словарь русского языка. С. 600.

нент, который является маркером жанра, и диктумный компонент, который и раскрывает содержание предупреждения. В императивном предупреждении возможна вербализация информации о негативных последствиях, что не актуально для информативного предупреждения. Нетрудно заметить, что полная реализация данной сематической структуры в синтаксическом плане может быть охарактеризована как предложение, относящееся к смысловому типу изъяснительных предложений (более подробно об этом смысловом типе см. [28]). Ядерным маркером жанра является перформатив **предупреждаю**, относящийся к группе глаголов речи и требующий обязательного делиберативного распространения. Но если диктумный компонент, раскрывающий содержание предупреждения, неоднократно становился предметом изучения и довольно подробно описан на материале разных языков, то модусный маркер жанра чаще всего оставался вне поля зрения исследователей. Отметим, что этот модусный предикат функционирует во всей технической парадигме изъяснительных предложений, то есть организует и сложноподчиненные конструкции с союзной (1) и местоименной (2) связью, и бессоюзные (3) сложные предложения, и простые предложения (4), где модусный компонент инкорпорирован в диктум, а делибератив представлен не предикативной единицей, а номинализирован, и также может быть представлен вводным компонентом (5) и даже отдельной предикативной единицей (6).

- (1) **Предупреждаю, что** я хотел бы обойтись без третьей степени. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).
- (2) Заранее **предупреждаю о том, что** в книге Бушкова есть эротические сцены, впрочем, по нынешним временам они на удивление целомудренны и, скажем так, застенчивы. (Василий Пригодич. Роман антипод, или «Три мушкетёра» наоборот // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.28).
- (3) Только **предупреждаю**, для теперешнего времени эта завивка несовременна. (И. Грекова. Дамский мастер).
- (4) Он мастер, мессир, я вас **предупреждаю об этом**. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (5) Но и тут, **предупреждаю вас**, я не хотел бы, чтобы взыскание было хоть сколько-нибудь строгим. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (6) Мы должны сегодня же пойти туда и до вечера вернуться, что нелегко. **Предупреждаю!** Человек десять, муж-

чины и женщины, согласились с ним идти. (Фазиль Искандер. Случай в горах. 1980–1990)

Перформатив обычно употребляется без вербального выражения субъекта речи в силу очевидности, хотя его вербализация возможна, как в примере (4). Особой оговорки требуют примеры, подобные (6): модусный предикат (перформатив) предстает в виде отдельной предикативной единицы, диктумная же часть выражена другой грамматически самостоятельной предикативной единицей.

Но, как показывают наблюдения разных исследователей, для императивного предупреждения характерно использование превентива без вербализации перформатива или с его заменой императивной частицей *смотри: Не опаздывайте! Смотри, не упади!*

Предупреждения₂ располагает большим набором модусных показателей жанра, причем выбор его зависит от дискурса, в котором функционирует высказывание. Так, дискурсивно нейтральный маркер (*предупреждаю*) в случае функционирования жанра в других дискурсах подвергается трансформации: номинализируется (становясь именем жанра – **предупреждение**) в официальном дискурсе (7) или требует при себе модального слова (8) в научном и научно-популярном дискурсах:

- (7) **Внимание! Штормовое предупреждение!** **Предупреждение** – сильный снег. По данным ФГБУ «Верхне-Волжское УГМС», в течение суток 10 января 2022 г. местами по Нижегородской области и г. Нижнему Новгороду ожидается сильный снег.
- (8) **Следует предупредить читателя, что** условно, построено на догадках и допущениях. (А. Мосолов. «Что верно для бактерии, то верно для слона» (мембраны и гены) // «Химия и жизнь», 1969); **Здесь необходимо предупредить, что** этим освещается только одна сторона в образе яги, но сторона, которая непременно должна быть рассмотрена: к этому приводит и художественная логика сказки и исторические материалы. (В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки).

В подобных случаях позиция субъекта либо вообще утрачивается (7), либо возможным выражением субъекта становится только форма дательного падежа, например, *мне следует предупредить* (8), но в и в том, и в другом случае происходит деперсонализация субъекта: в официальном дискурсе субъектом предупреждения становится не конкретная личность (говорящий), а какой-либо орган, институт власти; в научном дискурсе устранение номинативной позиции субъекта можно объяснить и грамматически: валентностью предиката –

следует (кому?) предупредить (кого?), и прагматически: подобные предупреждения как бы предвосхищают возможные вопросы, сомнения, замечания адресата, и автор заранее маркирует это и пытается объяснить свою позицию. Если в научном дискурсе автор предупреждения стремится объективизировать свою точку зрения, то в бытовом дискурсе личностное начало, субъективное весьма актуально и находит свое выражение в спрягаемой форме модального глагола:

(9) *Капитонов, только я хочу предупредить тебя сразу... Я буду кричать...можно?* (Сергей Носов. Фигурные скобки); *Но хочу предупредить, что надо цвет состава испробовать на листе бумаги.* (Форум: Реставрация книг. Переплетное дело. (2010)).

Маркером жанра предупреждения₂, кроме рассмотренного перформатива, являются и другие модусные предикаты, как глаголы, так и синтаксические фраземы: *учти, имей в виду, только смотри, если что* и под. Общим для них является обращенность к адресату и функция побуждения. Но при этом высказывания с маркерами *учти* (10), *имей в виду* (11) и *если что* (12) становятся разнофункциональными (модусная предикативная единица – побудительная, диктумная – информативная), а маркер *только смотри* (13) формирует синкретичное высказывание (императивность+информативность).

(10) *Хочешь – открывай, но учти, что дужка у него пудовая.* (М. Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013).

(11) *Но имейте в виду, что хороший каракуль может стоить также дорого, как норка.* (Вечерняя Москва; 01.09.2005).

(12) *Сладкоежка Лера решительно отказалась. – Я на диете, если чо* (Д. Н. Гуцко. Праздник // «Волга», 2012).

(13) *Уборку – это хорошо, только смотри, тяжёлого не поднимай, тебе ни в коем случае нельзя.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба).

Маркеры *учти/те* и *имей/те в виду*, как и перформатив *предупреждаю*, функционируют в разных типах синтаксических структур: чаще в сложноподчиненном с союзной связью (10) и (11) и бессоюзном сложных предложениях (13), реже в простом с прономинализированным делиберативом, содержание которого раскрывается в контексте (15), в качестве вводной конструкции (16). Как отдельная предикативная единица употребляется только маркер *учти* (16), подобных примеров с *имей в виду* не отмечено. С местоименно-союзной техникой связи в корпусе зафиксирован только один пример с маркером *имей в виду* (18) и нет примеров с *учти*.

(14) – *Только учти, ребенка я тебе не отдам.* (Маша Трауб. Не вся la vie. 2008). *Но имей в виду: Гриша партизан. Если Штальбе узнает, расстреляют вас всех, весь дом, – это в лучшем случае.* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

(15) *Возьмешь – воспитывай, чтобы по огородам соседским не скакала яки конь. Учти это. – Учту! – обрадовался Аскар.* (Г. Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы», 2018). *Мне скоро понадобится мальчик, ты это имей в виду.* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

(16) *Оно, учти, остается без тебя сиротой, в то время как в моей части города образуется нашего брата избыток.* (Е. Водолазкин. Лавр). *Я, имей в виду, всякого крутивья в жизни повидал.* (С. Данилюк. Рублевая зона).

(17) *Нам все известно! От и до! Учти. Твои товарищи уже сидят. Анка в ломке, жалуются, что по камерам опиум не разносят.* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

(18) *Но все-таки имейте в виду то, что он умер назад тому тридцать лет...* (Ф. М. Решетников. Никола Знаменский).

Эти маркеры жанра предупреждения₂ при использовании в других дискурсах требуют при себе обязательного модального слова (19)

1. *Следует учесть и то, что в мире насчитывается 2700 видов змей, большая часть из которых ядовита.* (Как мало мы о них знаем // «Знание-сила», 2013); *Следует учесть: древний смысл был свободен от поздних наслоений.* (В. Иваницкий. Иконка & Аватарка // «Знание – сила», 2010). *Необходимо иметь в виду, что в воду поступает не только органика.* (С. Остроумов. Качество воды: новые критерии // «Наука в России», 2014).

Сочетание с модальным словом вводит двуголосие: автор научного текста не только предупреждает читателя о необходимости учета каких-либо фактов, но и сообщает, что он сам принял их во внимание.

Разговорные маркеры *только смотри/те* и *если что* не имеют технической парадигмы, они функционируют только в составе бессоюзного сложного предложения и характерны только для бытового дискурса.

Интересной является судьба сочетания подчинительного союза *если* с лексемой *что*, которое вписывается в общие процессы грамматикализации и идиоматизации, затрагивающие не только отдельные лексемы и их сочетания, но и целые синтаксические структуры (более подробно см. об этом [29]).

Частным случаем этого процесса является утрата лексемой *если* грамматических свойств подчинительного союза и превращение в сочетании с лексемой *что* в маркер модуса. Все высказывания с таким модусным показателем выступают в жанре предупреждения, для которого актуально наличие адресата, именно поэтому вербализовать модусный показатель можно только в форме повелительного наклонения: *учти, что я на диете; учти, что я отписала в приват; учти, что врачи были...*

(20) *Я вот кой-как сюда влезла, но тоже с проблемами. Если что, отписала в приват* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)); *Денег бы на билет до Москвы хватило, если что* (Н. Б. Черных. Пассажир // «Волга», 2013); *Врачи из Морозовской, Семашко и московской педиатрической помощи были, если что* (коллективный). Форум: Сбивать или не сбивать? (2013)).

Наблюдения над соотношением диктума и модусного маркера в предупреждении₁ и предупреждении₂ позволяют выявить некоторые закономерности, еще раз подтверждающие, что речевой жанр предупреждения является полиинтенциональным жанром, а императивное предупреждение и инфор-

мативное предупреждение – варианты одного жанра. Императивность и информативность в этих вариантах представлены в разных компонентах высказывания. Так, для предупреждения₁ характерен информативный модусный предикат при императивном диктуме (*Предупреждаю, не опаздывай!*), а для предупреждения₂ – более частотен императивный модус в сочетании с информативным диктумом (*Учти, что я завтра весь день занят*).

Выводы

Итак, признание полиинтенциональности жанра предупреждения позволило выделить два варианта этого жанра, которые отличаются доминированием одной из интенций (императивной или информативной): предупреждение₁ (или предостережение) и предупреждение₂. Доминирование одной интенции обуславливает различия в языковом воплощении, которые проявляются в частотной имплицитности выражения второй интенции, а также в выборе модусного показателя жанра. Более широкий круг модусных показателей у информативного предупреждения, причем выбор конкретного показателя обусловлен дискурсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива : Русский императив. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 272 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972. 616 с.
3. Шмелев Д. Н. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 18 с.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким : Морфология. Ч. 2. Братислава : Изд-во Словацкой академии наук, 1960. 570 с.
5. Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 41 с.
6. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 296 с.
7. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 185–238.
8. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. 751 с.
9. Кленина Ю. С. Превентив : семантика и способы выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

10. Калинина А. А. Предостерегательные высказывания // Русский язык в школе. 2016. № 3. С. 61–66.

11. Калинина А. А. Семантика предостерегательных высказываний в рекламном тексте // Исследования по семантике : межвузовский научный сборник с международным участием. Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2016. С. 132–142.

12. Калинина А. А. Типы предостерегательных конструкций в рекламном тексте // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 76–80.

13. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 26 с.

14. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения : Английский язык. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.

15. Ерофеева Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 240–247.

16. Арский А. А. Семантические категории угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998. 180 с.

17. Шугаева Е. А. Речевой акт предостережения во французской лингвистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 18 с.

18. Ерофеева Е. В. Речевые акты со значением предупреждения нежелательного действия в современном

французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 17 с.

19. Курилкина Ю. С. Структурно-семантические особенности простых предложений с превентивной семантикой в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (14). С. 158–166.

20. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

21. Шугаева Е. А. Особенности интерпретации речевых актов предостережения (на материале французского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5 (86). С. 127–134.

22. Курилкина Ю. С. Семантический синкретизм превентивных высказываний в русском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. № 46. С. 51–60.

23. Стеклова Т. И., Крылов Ю. В. Новая жизнь старого жанра : к проблеме вариативности жанра // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 179–188. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>

24. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : НГПУ. 2019. 128 с.

25. Семенова Т. И., Скулимовская Д. А. Речевой акт предупреждения в англоязычном политическом дискурсе : когнитивно-прагматический анализ // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 4. С. 48–63.

26. Везжица А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.

27. Стеклова Т. И. Угроза // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А. П. Скородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2014. С. 702–703.

28. Стеклова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение как смысловой тип // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 272–286.

29. Стеклова Т. И. Если что и что если как факты современной русской речи : употребление, семантика, синтаксический статус // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 286–297. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/20>

REFERENCES

1. Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa : Russkiy imperative* [Semantics and typology of the imperative : Russian imperative]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otd-nie Publ., 1986. 272 p. (in Russian).

2. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p. (in Russian).

3. Shmelev D. N. *Znachenije i upotreblenije formy povelitel'nogo naklonenija v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [The meaning and use of the form of the imperative mood in the modern Russian literary language]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1955. 18 p. (in Russian).

4. Isachenko A. V. *Grammaticheskij stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim : Morfologiya. Ch. 2*

[The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak : Morphology. Part 2]. Bratislava, Izd-vo Slovatskoy akademii nauk, 1960. 570 p. (in Russian).

5. Biryulin L. A. *Teoreticheskiye aspekty semantiko-pragmaticheskogo opisaniya imperativnykh vyskazyvaniy v russkom yazyke* [Theoretical aspects of the semantic-pragmatic description of imperative statements in Russian]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 1992. 41 p. (in Russian).

6. Gusev V. Yu. *Tipologiya spetsializirovannykh glagolnykh form imperativa* [Typology of specialized verb forms of the imperative]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Moscow, 2005. 296 p. (in Russian).

7. Khrakovskiy V. S. Povelitelnost [Imperativeness]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otd-nie Publ., 1990, pp. 185–238 (in Russian).

8. Bezyayeva M. G. *Semantika kommunikativnogo urovnya zvuchashchego yazyka. Voleizyavleniye i vyrazheniye zhelaniya govoryashchego v russkom dialoge* [Semantics of the communicative level of the spoken language. The will and expression of the desire of the speaker in the Russian dialogue]. Moscow, Moscow University Press, 2002. 751 p. (in Russian).

9. Klenina Yu. S. *Preventiv : semantika i sposoby vyrazheniya* [Preventive : semantics and modes of expression]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 21 p. (in Russian).

10. Kalinina A. A. Cautionary statements. *Russian Language at School*, 2016, no. 3, pp. 61–66 (in Russian).

11. Kalinina A. A. Semantics of cautionary statements in advertising text. In: *Issledovaniya po semantike : mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik s mezhdunarodnym uchastiyem* [Studies in Semantics : Interuniversity Scientific Collection with International Participation]. Ufa, Izd-vo Bashkir. gos. un-ta, 2016, pp. 132–142 (in Russian).

12. Kalinina A. A. Types of cautionary structures in advertising text. *Bulletin of the Mari State University*, 2016, no. 3 (23), pp. 76–80 (in Russian).

13. Doroshenko A. V. *Pobuditelnyye rechevyye акты i ikh interpretatsiya v tekste (na materiale angliyskogo yazyka)* [Incentive speech acts and their interpretation in the text (on the material of the English language)] : Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1985. 26 p. (in Russian).

14. Belyayeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya : Angliiskii yazyk* [Grammar and pragmatics of motivation : English]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1992. 168 p. (in Russian).

15. Erofeeva E. V. Speech acts of threat and warning and their indirect realization in French discourse. *Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 240–247 (in Russian).

16. Arskiy A. A. *Semanticheskiye kategorii ugrozy i predosterezheniya i ikh verbalnaya realizatsiya v sovremennom nemetskom yazyke* [Semantic Categories of Threats and Warnings and Their Verbal Realization in Modern German]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Irkutsk, 1998. 180 p. (in Russian).

17. Shugayeva E. A. *Rechevoy akt predosterezheniya vo frantsuzskoy lingvistike* [Speech act of warning in French linguistics]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2015. 18 p. (in Russian).

18. Erofeeva E. V. *Rechevyye акты so znacheniyem preduprezhdeniya nezhelatel'nogo deystviya v sovremennom*

frantsuzskom yazyke [Speech acts with the meaning of preventing unwanted action in modern French]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1997. 17 p. (in Russian).

19. Kurilkina Yu. S. Structural and semantic features of simple sentences with preventive semantics in Russian. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 8 (14), pp. 158–166 (in Russian).

20. Shmeleva T. V. Speech Genre Model. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Genres of Speech : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

21. Shugayeva E. A. Features of the interpretation of speech acts of warning (on the material of the French language). *Bulletin of Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 127–134 (in Russian).

22. Kurilkina Yu. S. Semantic syncretism of preventive statements in Russian. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University*, 2019, no. 46, pp. 51–60 (in Russian).

23. Steksova T. I., Krylov Yu. V. New life of an old genre : To the problem of genre variability. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 179–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>

24. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost i variativnost rechevykh zhanrov* [Productivity and variability

of speech genres]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2019. 128 p. (in Russian).

25. Semenova T. I., Skulimovskaya D. A. The Speech Act of Warning in the English-Language Political Discourse : A Cognitive-Pragmatic Analysis. *Crede Experto : Transport, society, education, language*, 2021, no. 4, pp. 48–63 (in Russian).

26. Vezhbitska A. Speech genres. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Genres of Speech : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

27. Steksova T. I. A threat. In: *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (Bazovyye kompetentsii)*. Pod red. A. P. Skovorodnikova [Skovorodnikova A. P., ed. Effective verbal communication (Basic competencies)]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibir. Phederal. un-ta, 2014, pp. 702–703 (in Russian).

28. Steksova T. I., Shmeleva T. V. Russian explanatory sentence as a semantic type. *Siberian Philological Journal*, 2021, no. 3, pp. 272–286 (in Russian).

29. Steksova T. I. “Esli chto” and “chto esli” as facts of modern Russian speech : Usage, semantics, and syntactic status. *Siberian Philological Journal*, 2022, no. 2, pp. 286–297 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/18137083/79/20>

Поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 15.11.2021

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 15.11.2021